

М. Е. РАЗИՆЬКОВ

**«ОНИ МОГЛИ БЫ ДЕРЖАТЬСЯ ГОДАМИ, ЕСЛИ БЫ...»
ОПЫТ КОМПЛЕКСНОГО АНАЛИЗА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
ИНТЕРВЕНТОВ О РОССИИ**

В статье с помощью методов количественного, герменевтического и имагологического анализа исследуются представления интервентов о Гражданской войне в России (1917–1922). Основной предмет исследования – выявленные автором около 180 оценочных характеристик, данных иностранцами политической, социальной, военной и этнической реальности в России. Получены выводы о преимущественно негативной оценке иностранцами России и россиян, подробно разбирается логика возникновения таких представлений, выявляется многообразие стереотипов, которыми оперировали интервенты для описания увиденного.

Ключевые слова: *Гражданская война в России; интервенция; оценочные характеристики; количественный анализ; герменевтика; имагология; стереотипы.*

Изучение мемуаров, документов, связанных с интервенцией, а также работ по методологии истории и общественной психологии, привели меня к выводу о том, что иллюстративные изъятия фрагментов, простой текстологический анализ не объясняют всей сложности мировосприятия иностранца, попавшего в далекую во всех отношениях страну. Тексты, принадлежащие разным людям, но содержащие единообразные сюжеты, касающиеся их переживаний, наводили на мысль об ускользающих закономерностях. Предположение о том, что они связаны, прежде всего, с этнической психологией авторов, подтвердились не вполне. Очевидно, что, характеризуя россиян (не только русских, но и прочие этносы (карылы), субъэтносы (казаки)), иностранцы оперировали оценками их социальных, военных качеств, описывали политическую культуру, т.е. заметно выходили за рамки собственно этнических характеристик. Поэтому, на первом этапе исследования, выявленные оценочные суждения были разделены на четыре группы: социальные, политические, военные, этнические. *Социальные* – описывали россиян как совокупность социальных групп, слоев; а поскольку Россия находилась в состоянии войны, иностранцам приходилось сталкиваться не только с крестьянами, рабочими, буржуазией, но и с такими большими социальными группами военных как офицерство и солдаты. *Политические* – сообщали об особенностях политических режимов, существовавших в России (белых, большевистском, дореволюционном царском), а также о политической культуре, так как специфика режимов увязывалась с их «российскостью». *Военные* – рассказывали о специфике ведения боевых действий, элементах военной

психологии россиян. *Этнические* – останавливались на этнопсихологических и этнокультурных качествах жителей России. Каждая группа оказалась разбита на подгруппы *положительных* и *отрицательных* суждений. Так удалось совершить кодировку информации по типу С(+) – социальные положительные, С(-) – социальные отрицательные, П(+), П(-) и т.д.

Однако проблема заключалась в том, что одни и те же фрагменты содержали информацию сразу по нескольким таким группам. Более того, одно и то же суждение могло нести положительную и отрицательную информацию в рамках одной и той же группы (например, Э(+) и Э(-) одновременно). Поэтому, вторым этапом исследования стало толкование подобных смешанных сюжетов с целью выявить какие-либо закономерности. Наконец, не стоило сбрасывать со счетов и анализ указанных текстов с точки зрения этнической психологии их авторов.

Одна из задач исследования – показать, насколько многообразен может быть методологический инструментальный анализ документальных свидетельств подобного рода. Открытие новых источников может, конечно, значительно уточнить, расширить наши представления о прошлом вообще и о Гражданской войне в частности¹. Однако, как представляется, информационный потенциал уже известных источников еще не исчерпан. Между прочим, открытие и публикация новых источников, касающихся интервенции², только подтверждает тезис о внутреннем сходстве, повторяемости оценочных сюжетов в сознании иностранцев, перенесенном в текст воспоминания.

Следует отметить, что до сих пор в российской историографии изучение непрямого смысла источника, комментирование его, является прерогативой историков средневековья. Собственно, именно оттуда мною были взяты методологические подходы, связанные с представлениями об исторической феноменологии и герменевтике³. Показательно, что сами авторы, специализирующиеся на средневековой проблематике, видят исследовательский потенциал используемой ими методологии в изучении истории новейшего времени⁴. Нельзя игнорировать и количественные методы, тем более, что существуют исследования, доказывающие возможность выявления ментальных установок путем подобного анализа⁵. Между тем, ограниченность доступных источников делает количественный анализ инструментом дополняющим, но не основным.

---

¹ См., например: Нарский 2001; Посадский 2010; Морозова 2012.

² Барон 2013.

³ См.: Данилевский 1999, 2001; Юрганов 2009; Филошкин 2000, 2007.

⁴ Юрганов 2011.

⁵ См., например: Буховец 1996; Марасинова 1999; Сухова 2008.

Наконец, еще одним источником для пополнения исследовательского инструментария послужила имагология, сосредотачивающаяся на изучении стереотипов, формировании образов «своего» и «чужого»⁶.

Источник и его познавательные возможности

Источникную базу составили материалы мемуаров 13-ти участников интервенции, один аналитический обзор о состоянии России в первой половине 1918 г. и один документ, связанный с деятельностью союзных миссий на территории Прибалтики. По национальному составу авторов ситуация выглядит следующим образом: пять англичан, ирландец и канадец (объединены в одну группу, поскольку автор-ирландец – житель Северной Ирландии и полковник британской армии, а Канада входила на тот момент в состав Британской империи), четыре француза, четыре американца (США). Все авторы – военнослужащие (11) или дипломаты (4) стран Антанты. Пятеро из них на момент войны находились в чине генерала (Э. Айронсайд, М. Жанен, У. Ричардсон, У. Грейвс, Х. Гоф), двое – в чине полковника (Ф. Вудс, Д. Уорд, один был майором (Ж. Пишон), двое – капитанами (Х. Уильямсон, Э. Элкингтон), один – лейтенантом (Д. Кьюдахи). Двое членов дипломатических миссий были послами (Д. Фрэнсис, Ж. Нуланс), один – секретарем посольства (Л. Робиен). Один политик (У. Черчилль) был членом правительства в ранге министра.

Таким образом, по социальному составу авторов можно определить специфику источника как принадлежащего преимущественно военным (73%), с большой долей лиц, находящихся на высоких руководящих постах (53%), и отсутствием лиц, относящихся к рядовому составу. Стоит отметить, что большинство авторов либо принимали непосредственное участие в боевых действиях, либо имели отношение к политической составляющей союзных миссий (причем, не только дипломаты, но и подавляющее большинство военных (не менее семи человек)). Только один из мемуаристов (У. Черчилль) не был в России на момент ведения боевых действий. Иначе говоря, имеющуюся документальную базу можно считать вполне представительной по всем направлениям анализа (политическому, военному, социальному и этническому).

Вместе с тем, приводимые источники имеют существенные ограничения и особенности, важные для понимания их информативности. Не представлены воспоминания рядовых участников событий. Между тем, по свидетельству некоторых мемуаристов⁷, большевистская пропаганда имела успех в воинских контингентах. Впрочем, неясно, что подразуме-

---

⁶ Сенявская 2006. С. 3-26; Казакова 2010.

⁷ Зброшенныя в небытце...; Черчилль 1932.

валось при этом под «большевистскими симпатиями»: коммунистическая пропаганда или простые антивоенные настроения. В любом случае, повсеместные волнения среди войск интервентов (в т.ч. при отправке в Россию) показывают, что взгляд рядовых участников иностранных контингентов на происходившее в России мог быть несколько иным.

Есть и другие ограничения. Изученная мною мемуарная база не включает свидетельства, исходящие от интервентов из Германии, Австро-Венгрии, Японии, не говоря уже о некоторых других странах. Сама форма источника личного происхождения – связанные мемуары – предполагает создание «документального приключенческого романа», призванного привлечь внимание читателя, снисходительно относящегося к автору, дает интерпретацию событий именно его глазами. Некоторые мемуары создавались для целей политической борьбы или интерпретировали события, исходя из предпосылки оправдания или обвинения принятых ранее политических решений. Так, У. Черчилль дает широкую панораму «единственно верной» британской политики, на американца У. Грейвса (В. Грэвс) и англичанина Д. Уорда явно повлияла идея осуждения японской агрессии в Азии, американский лейтенант и выпускник Гарварда Д. Кьюдахи все повествование подчинял идее осуждения американского вмешательства в ненужную русскую войну, француз Ж. Пишон создавал свою записку, обслуживая заказ на анализ политической ситуации в России. Ряд деятелей, принимавших явно нестандартные решения (У. Грейвс, М. Жанен, Ф. Вудс), пытались оправдаться, показать, почему именно их решения были наиболее верными. Спецификой мемуаров является их субъективность, выражающаяся в ситуационности взглядов: например, русские солдаты как социальная группа у одного и того же мемуариста в разных местах могут характеризоваться и как увальни, и как вполне бравые парни. Однако подавляющее большинство привлекаемых источников объединяет одно – их авторы пытались осмыслить в описываемых событиях свое «я», ответить на важные для себя вопросы: почему он поступал так, а не иначе, и в какой, по отношению к его личности, ситуации он находился? Сравнительный анализ сразу нескольких мемуаров дает шанс избежать чрезмерной субъективности в восприятии исторической ситуации.

Некоторые количественные закономерности

Указанные выше ограниченности источника не позволяют абсолютизировать количественные показатели. Однако некоторый материал для размышления они дают. В таблице 1 приводится статистика групп оценок о российской действительности: социальная (С), политическая (П), военная (В) и этническая (Э).

Таблица 1⁸**Общие оценки российской действительности со стороны интервентов**

Оценочная группа	Количественный показатель	%	Количественный показатель	%	Оценочная группа
С(+)	9	5	28	15,6	С(-)
П(+)	11	6,2	42	23,5	П(-)
В(+)	16	8,9	25	14	В(-)
Э(+)	19	10,6	29	16,2	Э(-)
Всего	55	30,7	124	69,3	179 (100%)

Как видим, негативные характеристики российской действительности заметно преобладают, составляя большинство по всем избранным параметрам. Общее процентное соотношение составляет 2,2 в пользу негативных характеристик. Из них: по социальным – 3,1; политическим – 3,6; военным – 1,6; этническим – 1,5. Очевидно, таким образом, что интервентов не устраивала скорее социально-политическая ситуация в России, чем военные качества россиян и их этнические особенности.

Таблица 2. Оценки россиян разными этническими группами интервентов

Оце- ночная группа	Бри- танцы	%	Фран- цузы	%	Амери- канцы	%	Всего
С(+)	8	5,9	0	0	1	6,7	9
С(-)	22	16	4	14,8	2	13,3	28
П(+)	8	5,9	0	0	3	20	11
П(-)	25	18,2	13	48,1	4	26,6	42
В(+)	12	8,7	1	3,7	3	20	16
В(-)	22	16	3	11,1		0	25
Э(+)	17	12,4	1	3,7	1	6,7	19
Э(-)	23	16,9	5	18,6	1	6,7	29
Всего	137	100	27	100	15	100	179
Всего % от об- щего числа	137	76,5	27	15,1	15	8,4	179 (100 %)
Персо- налии	7	46,6	4	26,7	4	26,7	15 (100%)

⁸ Составлено по: Архив русской революции...; Барон 2013; Грэвс В. 1932; Жа-
нен; Заброшенные в небытие...; Союзническая интервенция...; Уильямсон 2007;
Йорд 1923; Черчилль В. 1932; Diary of Eric Elkington...

Очевидно, что привлекаемый источник имеет явно «британский» облик (особенно по числу высказанных оценочных характеристик – 76,5%). Отметим почти полное отсутствие положительных характеристик в адрес россиян со стороны французов, негативные оценки которых достигают своего максимума при описании политических режимов, с которыми им пришлось столкнуться в России. Напротив, американцы, хотя свидетельства их не столь обширны, высказались по поводу почти всех направлений анализа. Небольшое число оценочных характеристик у американцев следует объяснить своеобразием источников: воспоминания Д. Кьюдахи представляют собой, скорее, аналитическую справку, а генерал У. Ричардсон необыкновенно сух в описаниях происшедшего. Напротив, воспоминания У. Грейвса крайне эмоциональны, особенно колоритна содержащаяся в них критика в адрес колчаковского режима и режимов многочисленных атаманов.

Таблица 3 указывает на то, что это взгляд военных: как по числу авторов, так и по оценкам, которые они высказали.

Таблица 3

Оценка россиян социально-профессиональными группами интервентов

Оценочная группа	Военные	%	Дипломаты	%	Всего
С(+)	9	6,2	0	0	9
С(-)	24	16,7	4	11,4	28
П(+)	6	4,2	5	14,3	11
П(-)	29	20,1	13	37,1	42
В(+)	14	9,7	2	5,7	13
В(-)	22	15,3	3	8,6	25
Э(+)	18	12,5	1	2,9	19
Э(-)	22	15,3	7	20	29
Всего	144	100	35	100	179
Всего % от общего числа	144	80,5	35	19,5	179 (100 %)
Персоналии	11	73,3	4	26,7	15 (100%)

Обратим внимание, что дипломаты заметно больше рассуждали о политических вопросах, чем военные (если судить по доле политических высказываний от общего процента). Однако они видели в народах, населяющих Россию, прежде всего в русских, гораздо меньше положительных качеств, нежели военные; однозначно негативно оценивали социальное состояние российского общества. Вместе с тем, интерес военных к социально-политической проблематике также очевиден, что

указывает не только на широкий кругозор офицеров, но и на то, что они часто занимались в России политическими проблемами.

Количественные показатели уточняют и особенности смыслового содержания оценочных характеристик. Уточним, что это взгляд преимущественно британца и преимущественно военного.

Таблица 4

Оценочные характеристики личных, военных, социально-политических и национальных качеств россиян интервентами

Отрицательные	Кол-во	Положительные	Кол-во
Агрессивность	28 (19,2%)	Дружелюбие	9 (6,2%)
Угрожающие лица	1	Добросердечные, добродушные	3
Убийцы, кровожадные	8	Любезные	1
Грубые	4	дружелюбные	1
Жестокие	7	гостеприимные	3
Негодяи	3	Мягкий, сговорчивый	1
Фанатики	3		
Экстремисты	1		
Неустойчивая психика	1		
Вялость, апатичность	21 (14,4%)	Энергичность, упорство	16 (11%)
Неуклюжие	3	Хорошо сложенные, крепкие	2
Ленивые	3	Расторопные, энергичные	7
Безразличные, апатичные, фаталистичные, флегматичные	9	трудолюбивые	2
Приспособленцы	1	решительный	1
аполитичные	3	неунывающие	1
нерешительные	2	Упорные, терпеливые	3
Замкнутость	7 (4,8%)	Открытость	4 (2,7 %)
Неискренние	2	искренние	4
недоверчивые	3		
замкнутые	1		
Не любят иностранцев	1		
Хитрость	7 (4,8%)	Честность	2 (1,4%)
Коварные	1	Люди чести, честные	2
Хитрые	3		
Пройдохи	1		
Демагоги	2		
Жадность, продажность	2 (1,4%)	Щедрость	1 (0,7%)
Жадные	1	Щедрые	1
коррупцированные	1		

Глупость, отсталость	13 (8,9%)	Ум, рассудительность	5 (3,4%)
невежественные	3	Рассудительные, здравомыслящие	2
Тупоумные, «дураки», глупые	5	Славная ветвь европейских народов	1
недальновидные	1	дальновидный	1
реакционеры	1	талантливый	1
Низкая мораль	3		
Трусость	4 (2,7%)	Храбрость	4 (2,7%)
трусливые	2	храбрость	2
Неустойчивые в бою	2	Высокий боевой дух	1
		мужественный	1
Самоуверенность, Высокомерность	5 (3,4%)	-	0 (0%)
Чрезмерно амбициозные	1		
Самоуверенные	1		
Авантюристы	1		
высокомерный	1		
Гордые	1		
Эгоизм	7 (4,8%)	Верность	3 (2%)
Эгоистичные, «шкурники»	2		
неблагодарные	2	преданные	2
непатриотичные	2	патриоты	1
спекулянты	1		
Неорганизованность	2 (1,4%)	Дисциплинированность	1 (0,7%)
непунктуальные	1	дисциплинированные	1
неуправляемые	1		
Отталкивающий внешний вид	4 (2,7%)	Привлекательный внешний вид	1 (0,7%)
Отталкивающие лица	1	Симпатичный	1
Грязные	1		
Дикий вид	1		
Жалкие	1		
Всего	100 (68,5%)		46 (31,5%)

И здесь видно существенное преобладание негативных характеристик; их можно объединить в смысловые группы. Причем если агрессивность и отталкивающий внешний вид можно списать на военное время, то апатичность, хитрость, глупость и пр., связать с войной сложнее. Иностранцы явно чувствовали себя в российской среде дискомфортно.

Почти у каждой группы негативных характеристик есть своя противоположность в виде группы положительных характеристик. Однако в любом случае, «агрессивный, хитрый, трусливый, замкнутый, туповялый, жадный, самоуверенно-эгоистичный, недисциплинированный и несимпатичный» россиянин боролся в сознании иностранца с «дружелюбным, энергичным, открытым, неглупым, храбрым, организованным и внешне привлекательным», причем первый побеждал.

Опыт комментария оценочных характеристик текста

Выявление оценочных характеристик позволяет составить более-менее подробные комментарии изученных текстов и комбинаций смысловых конструкций. В силу ограниченности объема статьи, мною приведены комментарии только для смешанных характеристик. Впрочем, они представляются наиболее информативными в плане понимания тех идей, которые пытались вложить в свои тексты авторы.

Составляя данные комментарии, я опирался на методологическую базу исторической феноменологии, описывающую «герменевтический круг понимания». Согласно выводам А.В. Каравашкина и А.Л. Юрганова, осознание исторической реальности ограничено источником и существует только в его интерпретации. В связи с этим, задача историка видится в реконструкции источниковой реальности, уяснении самосознания источника, «чужого сознания в собственных семантических границах»⁹. Учитывая, что герменевтика и феноменология стремятся к интерпретации текста, не опираясь напрямую на его повествовательную канву, данное исследование вполне подходит под это определение. Повторяющиеся смыслы, которые нельзя объяснить только проявлением этнических и военных стереотипов заставляют говорить о структурах коллективного сознания эпохи, проявляющихся в изучаемых текстах.

Интервененты увязывали военные неудачи с социокультурной отсталостью российского общества. Об этом говорят повторяющиеся характеристики типа С(-)+В(-). Например, Х. Уильямсон характеризовал солдатскую массу Вооруженных сил Юга России следующим образом: «Это были преимущественно неуклюжие деревенские парни с тенденцией на марше прикреплять полевые цветы к своим винтовкам и разевать рты при виде незнакомых кирпичных зданий. Было известно, что некоторые из них даже тряслись при виде поезда»¹⁰. Россияне, не видевшие кирпичных зданий и поездов, рассматриваются им как необстрелянные увальни. Сходную характеристику русских солдат приводит воевавший в Сибири

⁹ Каравашкин, Юрганов, 2005. С. 156-157, 163.

¹⁰ Уильямсон 2007. С. 34.

Д. Уорд, отмечавший, что это «великолепные люди, хорошо сложенные, но еще неповоротливы и неловки в движениях»; настолько неловки, что издалека он принял их за девушек¹¹! Одновременно отмечается внутренний раскол столь важной для традиционного общества социальной группы как армия. Э. Айронсайда поражало нежелание русских офицеров объединяться ради общей цели, искать неформальных отношений с солдатами (шутить, писать им письма домой)¹². Х. Уильямсон говорил о российских генералах: «Они могли бы держаться годами, если бы отступили в укрепленные районы или координировали свои усилия, но они всегда были заражены амбициями, либо леностью, которые убеждали их делать слишком много или недостаточно или оставаться абсолютно безразличными»¹³. Таким образом, внутренние пороки военной элиты вели, по мнению англичанина, к поражению белых (С(-)+В(-)).

Четко выраженных схем типа С(+)+В(+), С(-)+В(+), С(+)+В(-) в анализируемых текстах нет. Зато на схему С(-)+В(-) накладываются более сложные оценочные характеристики, которые следует рассматривать как объясняющие и дополняющие приведенную бинарную схему. Весьма распространена схема П(-)+С(-)+В(-), присутствующая в воспоминаниях Э. Айронсайда, М. Жанена и письме Х. Гофа. Айронсайд считал, что русские не смогли выдвинуть «национального героя», военнополитического лидера, и «подлинной причиной [этого] была глубокая пропасть, разделявшая офицеров и солдат»¹⁴. Жанен оценивал большевиков как предательский режим. Начальник всех союзных миссий в Финляндии и Прибалтике генерал Гоф, сообщая Юденичу о том, что русские за поставки платят «черной неблагодарностью» и даже хотят обратиться за помощью к немцам, срывался на ругань: «многие русские командиры тупоумны или памятью коротки, что уже открыто хотят обратиться за помощью к немцам... Скажите этим дуракам, чтобы они прочли Мирный договор (Версальский мир. – М.Р.). Все, что Германия имеет, уже ею потеряно»¹⁵. В этом письме русские оцениваются как предатели (В(-)), не разбирающиеся в политической конъюнктуре (П(-)), а их командиры (как социальная группа) – крайне негативно (С(-)).

Глупыми, коррумпированными, беспринципными, некомпетентными, агрессивными душевнобольными называли конкретных представителей военно-политической элиты Белой России М. Жанен и У. Грейвс.

¹¹ Уорд 1923. С. 56, 140.

¹² Зброшенныя в небытие... С. 318.

¹³ Уильямсон 2007. С. 86.

¹⁴ Зброшенныя в небытие... С. 328.

¹⁵ Архив русской революции 1991. С. 307.

Чрезвычайно распространена схема П(-)+С(-), согласно которой россияне, в силу глубокого раскола между разными социальными слоями и между политической и социальной сферами общества, имели низкую политическую культуру. При этом, как и в случае с военно-социальными характеристиками, вариации П(+)+С(+), П(-)+С(+), П(+)+С(-) отсутствуют. Х. Уильямсону, Д. Уорду, У. Грейвсу, У. Черчиллю, Ж. Пишону замкнутость, инертность, глупость, агрессивность представляются характеристиками политического поведения целых социальных слоев и элитарных групп. Неумение и нежелание искать компромиссы, бороться за свои права мирным путем поражали иностранцев. Убежденный тред-юнионист Д. Уорд писал: «[Лидеры рабочих] отказывались бороться за законы, защищающие труд... Они верят... что единственным способом для рабочего получить права является уничтожение всякого “закона”... Профессиональный русский лидер рабочих – анархист и ничего больше»¹⁶. В свою очередь, рабочие в результате их агитации оказывались уверенными, что «на следующее же утро [они] достигнут полного земного рая»¹⁷. Причем Уорд винит в этом царизм, державший рабочих в невежестве. Социальное поведение рабочих рассматривается как деструктивное (С(-)), что увязывается с их низкой политической культурой (П(-)).

Ж. Пишон упрекал русских в эгоизме, называл «шкурниками», отмечал их политическую безграмотность. В правящих слоях, интеллигенции, духовенстве его поражали пассивность, желание приспособиться к обстоятельствам, отсутствие политической организации, а у сибирской буржуазии – какой-либо конструктивной идеологии. Крестьяне же, не имея политических предпочтений, по его словам, враждебно относились и к «старой», и к «новой» власти¹⁸. Деникинское командование представлено в воспоминаниях Х. Уильямсона как некая замкнутая каста, непримиримая к любому политическому инакомыслию¹⁹.

Распространенные суждения типа П(-)+Э(-) увязывали негативы развития России с этническими чертами народов, населявших ее, прежде всего русских. Упрекая русских, подобно Ж. Пишону, в отсутствии патриотизма, Д. Уорд приводил в пример англичан. Удивляясь, почему русские не вывешивают своего национального флага, он заявлял: «если бы в Англии было 20 революций, то я все-таки не мог представить себе, чтобы англичане стали стыдиться английского флага»²⁰.

---

¹⁶ Уорд 1923. С. 113.

¹⁷ Там же. С. 57-58.

¹⁸ Союзническая интервенция... С. 21-36.

¹⁹ Уильямсон 2007. С. 32-33.

²⁰ Уорд 1923. С. 56.

Полковник Вудс, оказавшись в эпицентре этнополитического конфликта белогвардейцев и карелов, желавших перейти под протекторат Великобритании, обратил внимание на то, насколько грубо и униЗИтельно обращались представители белогвардейской администрации с карелами²¹. Французы и англичане в один голос обвиняли русских в неискренности, недоверчивости, политическом коварстве, называя это этнической чертой славянских народов вообще²².

Социокультурная отсталость увязывалась с этническими характеристиками (схема С(-)+Э(-)). Русских крестьян сравнивали с индийцами, отмечали их средневековый (в смысле «варварский») быт. Такие характеристики давали не только побывавшие в России Робиеном, Уорд, Вудс, но и слабо знакомый с российскими реалиями Черчилль, что говорит о воспроизведении им существовавших стереотипов²³. Робиен подчеркивал жадность и хитрость русского крестьянина: «Крестьяне придерживают продукты, отказываясь их продавать в ожидании повышенных цен. Я понимаю, что мы отвергаем большевистские методы, которые, расстреляв нескольких мужиков, в одно мгновение собирали в каждой деревне вереницы нагруженных телег. До этого нам далеко, и мы, забыв, что идет война, позволяем русскому крестьянину, наиболее хитрому и жадному до наживы из крестьян других стран, обманывать себя!»²⁴.

Специфической чертой российского общества считалась его полиэтничность, воспринимаемая как «восточная» экзотика. Однако общество это представлялось социально отсталым или деградировавшим во время войны С(-)+Э(+). Канадский капитан Э. ЭлкинГтон отмечал: «Было очень интересно гулять по городу и приходить в восторг от того, насколько космополитично население Владивостока. В пятнадцатиминутной прогулке по городу я различил 18 разных национальностей. И все они выглядели не очень хорошими представителями своих наций...»²⁵.

Низкая политическая культура элиты и широких слоев российского общества виделась, таким образом, тесно связанной с этническими особенностями россиян и являлась в глазах интервентов важной причиной Гражданской войны и поражения Белого Дела. Вместе с тем, российское общество не рассматривалось однозначно негативно. Поэтому предсказуемо существование компенсаторных механизмов, какими представляются схемы: С(-)+С(+)+В(-) и С(+)+В(+)+Э(+). Так, Х. Уиль-

---

²¹ Барон 2013. С. 143.

²² Уорд 1923. С. 35; Зброшенные в небытие... С. 129, 203.

²³ Уорд 1923. С. 45; Барон 2013. С. 25; Черчилль 1932.

²⁴ Зброшенные в небытие... С. 207.

²⁵ Diary of Eric Elington...

ямсон писал о российской военной элите: «В основном это были добросердечные и щедрые до абсурда люди, но, кроме страшных клятв отомстить большевикам, пользы от них было немного. Они были ленивы, невежественны и часто трусливы, главным образом потому, что знали, что у их солдат не хватает смелости воевать против своих соотечественников, и потому, что уже видели, как свои солдаты дезертируют и поднимают мятежи»²⁶. В другом месте Уильямсон противопоставлял «эгоистичных», «безразличных» и «коррупцированных» русских офицеров «терпеливым», «добродушным», «трудолюбивым» солдатам, считая этот разрыв традиционным пороком русской армии²⁷. Иначе говоря, при общем социальном и военном негативе выделялись и социально-симпатичные черты (доброе сердце, щедрость, трудолюбие).

Схема С(+)+В(+)+Э(+) имеет прямую связь с механизмами этнической психологии. Едва только российские военные начинали напоминать мемуаристу его родной народ, как отношение к ним резко менялось с негативного на позитивное. Напомнившие Уорду английских «Томми» русские солдаты сразу превратились из «неповоротливых женщин» в энергичных вояк: «Русские “Томми” выглядят такими же расторопными, как и наши, и без своих длинных, узких треугольных штыков могут быть легко приняты по ошибке за английские войска»²⁸. Аналогичное воспоминание оставил Вудс. На сей раз речь шла о карелах, похожих на ирландцев: «Через месяц наши силы насчитывали уже 500 человек... причем каждый был замечательным снайпером... Все они ранее служили в российской императорской армии и после небольшой муштры держались в строю так же подтянуто, как любая иностранная армия в обычных обстоятельствах. Их дисциплина не вызывала нареканий: не было ни одного случая нарушения субординации или пьянства, ни одной жалобы от местных жителей... Ни тогда, ни когда-либо позднее не позволял я себе усомниться в искренности и преданности своих карел... они очень напоминали мне ирландских солдат, которые не теряют присутствия духа даже в самых сложных ситуациях»²⁹.

Даже негативные черты российской политической культуры могли восприниматься в положительном ключе, если напоминали иностранцу родину: «Я определенно чувствую, что русские и мы вполне справимся вместе с затруднениями, настолько мы похожи друг на друга. Омск и Уайтхол действительно типичны; каждый из них прежде всего исчерпа-

---

²⁶ Уильямсон 2007. С. 34.

²⁷ Там же. С. 85.

²⁸ Уорд 1923. С. 56.

²⁹ Барон 2013. С. 34-35.

ет все возможные ошибки и, когда больше их уже не останется, вступит на правильный путь»³⁰. (схема Э(+)+П(-))

У военных поводом для похвалы могла стать эффективность самых жестоких действий (схема В(-)+В(+)+Э(-)). Ф. Вудс упоминал, что русские применяли пытки на допросах, причем жестокость рассматривалась им и как компонент именно русской военной культуры (он подчеркивал, что англичане так не делают). Однако, осуждая такие методы, Вудс признавал их действенность: «Русские методы допроса (избиение кнутом. – М.Р.)... были, мягко говоря, грубыми, но давали немедленные результаты». Любопытно, что для английского полковника человек, способный превращать свои жертвы в «сплошную кровоточащую массу» «оказался ... незаменимым союзником. Вскоре он стал хорошим другом всех британцев»³¹. В другом месте воспоминаний, Вудс перечислял факты, когда карелы свежевали финнов, набивая их тела листовой, применяли пытки с помощью топора, убивали всякого пленного финна. Однако он тут же комментировал, что свежевание напрямую связано с охотничьей жизнью карел, а убийство пленных – с необходимостью получать трофейные сапоги и нежеланием кормить лишние рты, естественным для охотника³². Оценивая эти качества как признак этнической «первобытности», Вудс и здесь отмечал эффективность подобных действий, закрывая на многое глаза.

Азарт «путешественника», желание видеть в россиянах не только сообщество дикарей, да и социо- и этнокультурные реалии, вели к выявлению положительных черт народов, населявших Россию. Распространенной является схема С(+)-Э(+), позволяющая иностранцу посмотреть на россиян как на трудолюбивых, сильных, выносливых людей, умеющих постоять за себя (Э. Айронсайд, Ф. Вудс). Излишняя стереотипизация образа русского крестьянина отмечалась У. Грейвсом: «Мне часто говорили, что “русский крестьянин очень груб и невежествен”; а я убедился в том, что если дело идет о чем-нибудь, касающемся его личных интересов, то вы не скажете, что русский крестьянин невежествен. Ошибочным является также распространенное в Соединенных штатах мнение, что русский крестьянин не стремится к образованию. Все то, свидетелем чему я был в Сибири, опровергает это мнение. Если вы проходите по деревне, вы повсюду встречаете детей, идущих в школу, и в этом отношении нет никакой разницы между Со-

---

³⁰Уорд 1923. С. 140.

³¹ Барон 2013. С. 66.

³² Там же. С. 54-55.

единенными штатами и Россией, исключая только то, что в России школьники носят книги в ранцах за спиной, как солдаты»³³.

Схема П(+)+Э(+) приводила к признанию значимости российской культуры и России как державы. Так, У. Черчилль признавал русских «могущественной нацией, славной ветвью семьи европейских народов»³⁴, а Д. Уорд говорил о диктатуре А.В. Колчака как о единственной надежде «на спасение остатков русской цивилизации и культуры»³⁵. Имеется немало положительных отзывов интервентов о представителях военной и военно-политической элиты белых, а американцы признавали определенную идейную справедливость и военную эффективность коммунистической агитации в войсках Антанты (схема П(+)+В(+))³⁶.

Невозможность дать однозначную характеристику русским и россиянам вообще, приводила к формам высказываний, в которых положительные характеристики одного типа сочетаются с отрицательными – такого же типа. Примером является относительно часто встречающаяся схема Э(+)+Э(-). Так, Ф. Вудс, сравнивая русскую и британскую мораль, отмечал: «наши нормы более высокие, однако мы их не соблюдаем, у русских же мораль на более низком уровне, однако они из всех сил стараются следовать ей»³⁷. Жанен указывал в своем дневнике: «Русские гостеприимны, но в то же время горды и не любят иностранцев»³⁸. Иногда подобные схемы позволяли иронизировать над негативными чертами россиян, тем не менее, принимая их: «или русский крестьянин – страшный сутяга, или он ошибочно принял систему суда за здоровый английский спорт, который его весьма забавлял» (С(-)+С(+))³⁹.

Наличие смешанных языковых и смысловых конструкций позволяло наполнять обычные высказывания множественным смыслом, но главное – значительно расширять круг интерпретаций одного и того же связанного текста. Для примера, прокомментируем высказывание Уорда о русских офицерах, которые попадая с фронта в тыл «стали приобретать свои старые привычки, начали заполнять увеселительные дома и рестораны города, и очень мало вспоминали о своих полуодетых сотоварищах, продолжавших тяжелую борьбу вдоль Уральских гор»⁴⁰. Первоначаль-

---

³³ Грэвс 1932. С. 74.

³⁴ Черчилль 1932.

³⁵ Уорд 1923. С. 88.

³⁶ Заброшенные в небытие... С. 426.

³⁷ Барон 2013. С. 24

³⁸ Жанен. Отрывки из моего сибирского дневника...

³⁹ Уорд 1923. С. 45.

⁴⁰ Там же. С. 120.

ный смысл можно определить как С(-), т.е. негативное описание офицеров как социальной группы, которые не просто разлагались в тылу, но и были к этому склонны изначально («приобретали старые привычки»). Однако тот же текст можно наполнить другими смыслами. Прежде всего, здесь можно найти героизм части офицерства («продолжали тяжелую борьбу») В(+), негативную этническую характеристику Э(-), поскольку офицеры были русскими и Уорд мог сравнивать их с англичанами, а также и П(-), поскольку правительство не позаботилось ни об организации быта тыловых офицеров, ни о тех, кто был на фронте («полуодетые сотоварищи»). Подобные комментарии указывают на ограниченную полезность любого количественного подсчета и выявляют полезные качества герменевтического комментария, такие как уточнение смыслов, понимание сущности повторяющихся в разных текстах высказываний.

Военные, этнические и политические стереотипы в структуре воспоминаний иностранцев о России

Исследование было бы неполным без анализа некоторых психологических механизмов, повлиявших на содержание мемуаров. Прежде всего, это комплексы стереотипов, связанных с военной психологией и складывающихся в ходе войны образов «своего» и «врага». Для большинства британцев (в т.ч. канадцев) и французов большевики вполне укладывались в классический образ врага – носителя сугубо негативных качеств. Так, Айронсайд составил себе мнение о большевистских руководителях, как об уверенных в своей исключительной правоте и жестоких деятелях, критически отзывался о способах организации большевистской агитации⁴¹. Уорд писал о Красной Армии как о войсках «террористов»⁴², люмпенов, невежественных людей. Уильямсон без зазрения совести предлагал деникинскому командованию травить красных газами⁴³. Одна из самых резких характеристик большевиков принадлежит Черчиллю: «Что касается России, то ищущие подлинную истину могут убедиться в том, до какой степени страшна господствующая там антидемократическая тирания и до чего ужасны совершающиеся там социальные и экономические процессы, грозящие вырождением»⁴⁴. Большевистский режим назван им «безыменным чудовищем», «пауком»; «Верховный большевистский комитет» – «нечеловеческой или сверхчеловеческой организацией», «сообществом крокодилов, обладавших об-

⁴¹Заброшенные в небытие... С. 243, 258-259.

⁴² Уорд 1923. С. 134.

⁴³ Уильямсон 2007. С. 155, 166.

⁴⁴ Черчилль 1932.

разцовыми интеллектами», а сами большевики – «жрецами негодяев и фанатиков»⁴⁵. Французские дипломаты оставили целую серию отзывов о большевистском режиме как «ужасном», голодном, полном эпидемий⁴⁶.

Одновременно американцы были склонны к преодолению однозначной трактовки «образа врага». Приводимые ими факты показывали, что образ красных излишне демонизировался. Д. Кьюдахи вспоминал о том, что вначале французские интервенты считали, что красные зверски расправляются с интервентами, поэтому добивали раненых. Каково же было их удивление, когда французские солдаты стали возвращаться из плена невредимыми, и когда красные перестали стрелять по санитарному отряду⁴⁷. Американцы в Сибири, в т.ч. генерал У. Грейвс, заключали с красными партизанами соглашения о разделе территории и ненападении. Партизанские теракты на железных дорогах воспринимались американцами как недоразумение и служили причиной переписки с красными⁴⁸.

Дело в том, что у американцев, как и у прочих интервентов, не сложился положительный образ «своего» в лице белых режимов. Грейвс отмечал непримиримость колчаковского режима к любой оппозиции, осуждал сотрудничество А.В. Колчака с «преступными» и «безжалостными» П.П. Ивановым-Риновым, Г.М. Семеновым, И.П. Калмыковым, приводил многочисленные случаи белого террора, постоянного насилия над мирными жителями⁴⁹. «В Восточной Сибири, – писал Грейвс, – совершались ужасные убийства, но совершались они не большевиками, как это обычно думали. Я не ошибусь, если скажу, что в Восточной Сибири на каждого человека, убитого большевиками, приходилось 100 чел., убитых антибольшевистскими элементами»⁵⁰.

Генерал М. Жанен отмечал, что большинство французских офицеров в Сибири испытывали отвращение к жестокому режиму Колчака. В его дневниках председатель колчаковского правительства П.В. Вологодский предстает человеком «с трясущимся и заросшим бородой лицом», хотя и «довольно любезным», министр финансов И.А. Михайлов – «канальей», связанной с политическими убийствами, управляющие делами Совета министров Г.Г. Тельберг и Г.К. Гинс – лицами, связанными с денежными хищениями. Самого Колчака он характеризовал как болез-

---

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Зброшенныя в небытце... С. 121-122, 183-184, 202.

⁴⁷ Там же. С. 427.

⁴⁸ Уорд 1923. С. 155-159.

⁴⁹ Грэвс В. 1932. С. 76-77, 80-81, 108, 113-115, 118-119, 147, 203.

⁵⁰ Там же. С. 80.

ненно неуравновешенного человека, не разбирающегося в сухопутном военном деле, и слабого политика, одержимого манией величия, пришедшего к моменту поражения к нервному заболеванию и неадекватности. «Вождем банды убийц» назвал он и Г.М. Семенова. Полемизируя в середине 1920-х гг. с А. Ноксом, французский генерал назвал Российское правительство «пройдохами, спекулянтами и реакционерами, собравшимися в Омске и представляющими прежнюю Россию»⁵¹.

Надо сказать, что и британцы оценивали белогвардейские режимы отнюдь не комплиментарно. Крайними точками здесь являются, пожалуй, воспоминания Вудса и Черчилля. Для Вудса белый режим на Севере представлял сборище опасных даже для интервентов заговорщиков (он утверждал, что белыми офицерами на него неоднократно готовились покушения). Черчилль, напротив, не скупился на положительные характеристики. Участники антибольшевистских восстаний на Дону, Добровольческой армии выступали у него не иначе как «русскими патриотами», которым «были драгоценны честь русского оружия и наследие Петра Великого», а первые сражения Добрармии с большевиками он сравнивал с битвами Гарибальди. М.В. Алексеев назван им «крупным стратегом, не уступавшим Фошу и Людендорфу», а А.И. Деникин – генералом, который обладал «всеми достоинствами и недостатками упорного, рассудительного, спокойного и честного вояки». Очень положительно отзывался Черчилль и о фигуре А.В. Колчака⁵². При этом стоит обратить внимание на тот немаловажный факт, что Вудс был в центре событий Гражданской войны на Севере, в то время как Черчилль рассуждал, пользуясь информацией с чужих слов. Его мемуары крайне стереотипизированы, доверять им полностью – значит пускаться в рискованное ментальное путешествие по вымышленной России. С другой стороны, Черчилль оказался одним из немногих, кто попытался преодолеть другой стереотип, а именно о том, что Гражданская война в России – это война русских с русскими. Именно Черчилль рассматривал ее как сложное многонациональное явление, привлекал к анализу событий материал об Украине, Польше, Литве, Латвии, Эстонии и других государствах, образовавшихся на территории бывшей империи.

Другой комплекс стереотипов, связанный с механизмами этнической психологии, включал ощущение превосходства «цивилизованного» европейца над «северным» (и даже «восточным») народом, иначе говоря, этноцентризм. Так, бригадный генерал У. Ричардсон, подчерки-

---

⁵¹ Жанен. Отрывки из моего сибирского дневника...

⁵² Черчилль 1932.

вая «варварство» русских, заявлял, что Архангельск – «очень восточный» город, расположенный «где-то к востоку от Суэца»⁵³. Англичане, не видели особых различий между русским и индийскими крестьянами. Сравнение жизни в России с жизнью в колониях характерно для Вудса, Айронсайда, Черчилля. Негативные характеристики русского этноса, такие как флегматичность, инертность, лень, глупость, вероломство, неблагодарность, излишний фатализм и фанатизм, отсылали к образу «скрытного», «стадного» и в то же время опасного азиата (см. Таблицу 4). Образ «диких» русских прослеживается и в воспоминаниях французских дипломатов: «Мы проезжали мимо Соловецких островов, известных своим монастырем, куда столько русских, во власти религиозного фанатизма, присущего только их нации, приезжали, чтобы укрепить свою веру вдали от мирской суеты» (Ж. Нуланс, лето 1918 г.)⁵⁴.

Этнические стереотипы также содержали устоявшуюся норму о «широкой русской душе», добродушии и «простодушии» русских. Представление о «простодушных русских» сыграло определенную роль в формировании мотивации пребывания в России, поскольку многие авторы мемуаров были уверены, что русский народ ожидает их помощи. Расхождения позитивных стереотипов с реальностью подчас оказывались трагическими. Айронсайд признавался, что мятеж в русском Дайеровском батальоне (лето 1919 г.), который он ранее очень хвалил, стал «большим потрясением, чем я допускал даже в глубине души»⁵⁵.

Разрушение положительных стереотипов вело к деконструкции мотивации пребывания в России, сведению ее к простому выполнению приказа, тем более что при «ближайшем» рассмотрении «русский народ», включая белых, показался практически всем интервентам малосимпатичным, а Россия – богатой, но девственно-суровой страной. Нападки мемуаристов на российские политические режимы связаны с несоответствием увиденного сложившимся политическим стереотипам. В мемуарах мы видим правдоподобные характеристики белого режима как типичной авторитарной диктатуры с преследованием политической оппозиции, без правовой защищенности личности. «В Сибири, – писал Грейвс, – никто кроме лиц, принадлежавших к сторонникам Колчака, не пользовался такими благами современной цивилизации, как свобода слова, печати, собраний и легальных действий, т.е. теми свободами, которые являются общепризнанным достоянием каждого цивилизованного народа»⁵⁶. Уже

---

⁵³ Зброшенныя в небытц... С. 398.

⁵⁴ Там же. С. 93.

⁵⁵ Там же. С. 350, 422.

⁵⁶ Грэвс В. 1932. С. 76.

тогда американцы видели в себе рыцарей демократии. Американский посол Д. Френсис рассуждал о «великой демократической миссии» США в мире: «Ленин и Троцкий называют американское правительство империалистическим и капиталистическим..., находя при этом тысячи слушателей, которые верят им, поскольку европейцу трудно понять, почему люди, живущие за тысячи миль от них, вмешиваются в дела, не влияющие на их материальное благополучие. Было очень трудно разъяснять им, что Америка борется за принципы, за гуманность, за цивилизованность, за само общество (курсив мой. – М.Р.)»⁵⁷). Французам видеть союзников в белых диктатурах мешало еще и революционное прошлое их страны. Не желавшие плыть в Россию матросы заявляли: «Пусть воюют те, кто развязал войну. Нам в России нечего защищать, кроме той свободы, за которую борются русские революционеры...» (Бизерта, Тунис, 1919 г.)⁵⁸.

Заключение

Комплексный анализ мемуаров и некоторых документов, связанных с интервенцией, показал, что иностранцы описывали социальную, политическую, военную и этническую реальность в России преимущественно негативно. Насколько можно судить по привлеченным источникам, наиболее отрицательно оценивалась социально-политическая реальность, а дипломаты и французы оказались более склонными к критическому взгляду на Россию, нежели военные, британцы и американцы.

Логика формирования этих негативных представлений многообразна. Неспособность русских вести успешные боевые действия связывалась с их социокультурной отсталостью, расколом, как всего общества, так и отдельных социальных слоев. С идеей социальной отсталости, этнокультурной «дикости» народов, населявших Россию (прежде всего, конечно, русских) связано и представление о низкой политической культуре, не позволяющей обществу найти точки соприкосновения, что провоцировало Гражданскую войну и создавало основу для поражений белых армий.

Одновременно, возмущение, с которым иностранцы писали о России, указывает на то, что до прибытия сюда (либо же до Гражданской войны) они думали о ней лучше. Русская реальность 1917–1922 гг. никак не согласовывалась с тем, что хотели видеть в ней иностранцы в области политической, военной и этнокультурной. В результате у них так и не сформировалось полноценного образа «своего» в лице белых. Разрушение прежних положительных стереотипов, вероятно, привело к тиражированию на Западе новых негативных представлений о России.

---

⁵⁷ Зброшенныя в небыццё... С. 68.

⁵⁸ Ле Рамей Ж., Воттеро П. 1976. С. 134.

С другой стороны, авторы признавали значимость российской культуры, искали точки схождения с культурой Великобритании, Ирландии, США. Количественные данные показывают, что порядка трети оценочных характеристик являются положительными. Думается, многие из интервентов понимали, что видят Россию не в лучшие времена.

Реакции, порожденные этими впечатлениями, были многообразны. Одни, как Ф. Вудс, в некоторой степени идентифицировали себя с российской борьбой, другие, как Д. Кьюдахи, У. Грейвс, посчитали вмешательство в русские дела ненужным, третьи, как У. Черчилль, Х. Уильямсон и американский посол Д. Фрэнсис, полагали, что в России шла борьба за общечеловеческие ценности, наконец, четвертые, как М. Жанен, унесли из России лишь чувство отвращения.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

- Архив русской революции. В 22 т. М.: Terra, Политиздат, 1991. Т. 1. 312 с.
- Барон Н. Король Карелии. Полковник Ф. Дж. Вудс и британская интервенция на севере России в 1918–1919 гг.: история и мемуары. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. 346 с. (Эпоха войн и революций; вып. 3).
- Грэвс В. Американская авантюра в Сибири (1918–1920). М.: Госвоениздат, 1932. 248 с.
- Жанен М. Орывки из моего сибирского дневника // Скепсис: научно-просветительский журнал. URL: http://sceptsis.ru/library/id_1981.html
- Заброшенные в небытие. Интервенция на Русском Севере (1918–1919) глазами ее участников / сост. В.И. Голдин. Архангельск: Правда Севера, 1997. 505 с.
- Ле Рамей Ж., Воттеро П. Восставшие на Черном море. М.: Прогресс, 1976. 268 с.
- Союзническая интервенция на Дальнем Востоке и в Сибири. Доклад Пишона / под ред. Вл. Виленского-Сибирякова. М.; Л.: Государственное изд-во, 1925. 96 с.
- Уильямсон Х. Прощание с Доном. Гражданская война в дневниках британского офицера. 1919–1920. М.: Центрполиграф, 2007. 304 с.
- Уорд Д. Союзная интервенция в Сибири. 1918–1919. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. 172 с.
- Черчилль В. Мировой кризис. М.; Л.: Госвоениздат, 1932 // Военная литература. [2001]. URL: <http://militera.lib.ru/memo/english/churchill2/index.html>

Литература

- Буховец О.Г. Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века. М.: Мосгорархив, 1996. 398 с.
- Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.): Курс лекций: Учебное пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 1999. 399 с.
- Данилевский И.Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.): Курс лекций. М.: Аспект Пресс, 2001. 389 с.
- Казакова О.Ю. Границы междисциплинарности: термины, дефиниции, понятия // Российская история. 2010. № 5. С. 6–17.
- Каравашкин А.В., Юрганов А.Л. Регион Докса. Источниковедение культуры. М.: РГГУ, 2005. 210 с.
- Марасинова Е.Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века. М.: РОССПЭН, 1999. 302 с.

- Морозова О.М. Антропология гражданской войны. Ростов-на-Дону: Из-во ЮНЦ РАН, 2012. 560 с.
- Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М.: РОССПЭН, 2001. 632 с.
- Посадский А.В. От Царицына до Сызрани: очерки Гражданской войны на Волге. М.: АИРО-XXI, 2010. 416 с.
- Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: РОССПЭН, 2006. 288 с.
- Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX века) по материалам Среднего Поволжья. М.: РОССПЭН, 2008. 679 с.
- Филошкин А.И. Андрей Михайлович Курбский: Просопографическое исследование и герменевтический комментарий к посланиям Андрея Курбского Ивану Грозному. СПб: Изд-во СПбГУ, 2007. 624 с.
- Филошкин А.И. Методологические инновации в современной российской науке // АСТЮ NOVA 2000 / отв. ред. А.И. Филошкин. М.: Глобус, 2000. С. 7-52.
- Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М.; СПб: Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга, 2009. - 368 с.
- Юрганов А.Л. Русское национальное государство: Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М.: РГГУ, 2011. 765 с.
- Diary of Eric Elkington, n.d. (c. January 1919), p. 2, E.H.W. Elkington Family Collection (private collection), Ladysmith, BC. // Canada's Siberian Expedition. [University of Victoria, 2012]. URL: http://www.siberianexpedition.ca/story/asian_communities.php

REFERENCES

Istochniki

- Arkhiv russkoi revolyutsii. V 22 t. М.: Terra, Politizdat, 1991. Т. 1. 312 s.
- Baron N. Korol' Karelii. Polkovnik F. Dzh. Vuds i britanskaya interventsia na severe Rossii v 1918–1919 gg.: istoriya i memuary. SPb.: Izd-vo Evropeiskogo un-ta v Sankt-Peterburge, 2013. 346 s. (Epokha vojn i revolyutsii; vyp. 3).
- Grevs V. Amerikanskaya avantюра v Sibiri (1918–1920). М.: Gosvoenizdat, 1932. 248 s.
- Zhanen M. Otryvki iz moego sibirskogo dnevnika // Skepsis: nauchno-prosveti-tel'skii zhurnal. URL: http://scepsis.ru/library/id_1981.html
- Zabroshennye v nebytie. Interventsiya na Russkom Severe (1918–1919) glazami ee uchastnikov / sost. V.I. Goldin. Arkhangel'sk: Pravda Severa, 1997. 505 s.
- Le Ramei Zh., Vottero P. Vosstavshie na Chernom more. М.: Progress, 1976. 268 s.
- Soyuznicheskaya interventsia na Dal'nem Vostoke i v Sibiri. Doklad Pishona / pod red. VI. Vilenskogo-Sibiryakova. М.; L.: Gosudarstvennoe izd-vo, 1925. 96 s.
- Uil'yamson Kh. Proshchanie s Donom. Grazhdanskaya voina v dnevnikh britanskogo ofitsera. 1919–1920. М.: Tsentrpoligraf, 2007. 304 s.
- Uord D. Soyuznaya interventsia v Sibiri. 1918–1919. М.; Pg.: Gos. izd-vo, 1923. 172 s.
- Cherchil' V. Mirovoi krizis. М.; L.: Gosvoenizdat, 1932 // Voennaya literatura. [2001]. URL: <http://militera.lib.ru/memo/english/churchill2/index.html>

Literatura

- Bukhovets O.G. Sotsial'nye konflikty i krest'yanskaya mental'nost' v Rossiiskoi imperii nachala KhKh veka. М.: Mosgorarkhiv, 1996. 398 s.
- Danilevskii I.N. Drevnyaya Rus' glazami sovremennikov i potomkov (IX–XII vv.): Kurs lektsii: Uchebnoe posobie dlya studentov vuzov. М.: Aspekt Press, 1999. 399 s.

- Danilevskii I.N. Russkie zemli glazami sovremennikov i potomkov (XII–XIV vv.): Kurs lektsii. M.: Aspekt Press, 2001. 389 s.
- Kazakova O.Yu. Granitsy mezhdistsiplinarnosti: terminy, definitsii, ponyatiya // Rossiiskaya istoriya. 2010. № 5. S. 6–17.
- Karavashkin A.V., Yurganov A.L. Region Doksa. Istochnikovedenie kul'tury. M.: RGGU, 2005. 210 s.
- Marasinova E.N. Psikhologiya elity rossiiskogo dvoryanstva poslednei treti XVIII veka. M.: ROSSPEN, 1999. 302 s.
- Morozova O.M. Antropologiya grazhdanskoi voiny. Rostov-na-Donu: Iz-vo YuNTs RAN, 2012. 560 s.
- Narskii I.V. Zhizn' v katastrofe: Budni naseleniya Urala v 1917–1922 gg. M.: ROSSPEN, 2001. 632 s.
- Posadskii A.V. Ot Tsaritsyna do Syzrani: ocherki Grazhdanskoi voiny na Volge. M.: AIRO-KhKhI, 2010. 416 s.
- Senyavskaya E.S. Protivniki Rossii v voynakh KhKh veka: Evolyutsiya «obraza vraga» v soznanii armii i obshchestva. M.: ROSSPEN, 2006. 288 s.
- Sukhova O.A. Desyat' mifov krest'yanskogo soznaniya: Ocherki istorii sotsial'noi psikhologii i mentaliteta russkogo krest'yanstva (konets XIX – nachalo KhKh veka) po materialam Srednego Povolzh'ya. M.: ROSSPEN, 2008. 679 s.
- Filyushkin A.I. Andrei Mikhailovich Kurbskii: Prosopograficheskoe issledovanie i germenevticheskii kommentarii k poslaniyam Andreya Kurbskogo Ivanu Groznomu. SPb: Izd-vo SPbGU, 2007. 624 s.
- Filyushkin A.I. Metodologicheskie innovatsii v sovremennoi rossiiskoi nauke // ACTIO NOVA 2000 / otv. red. A.I. Filyushkin. M.: Globus, 2000. S. 7–52.
- Yurganov A.L. Kategorii russkoi srednevekovoi kul'tury. M.; Spb: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, Universitetskaya kniga, 2009. - 368 s.
- Yurganov A.L. Russkoe natsional'noe gosudarstvo: Zhiznennyi mir istorikov epokhi stalinizma. M.: RGGU, 2011. 765 s.
- Diary of Eric Elkington, n.d. (c. January 1919), p. 2, E.H.W. Elkington Family Collection (private collection), Ladysmith, BC. // Canada's Siberian Expedition. [University of Victoria, 2012]. URL: http://www.siberianexpedition.ca/story/asian_communities.php

Разинков Михаил Егорович, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук Воронежского государственного лесотехнического университета; razinkov_mihail@mail.ru

“They could keep for years, if...”: an analysis of the experience of complex interventionists about Russia

The author has used the methods of quantitative, imagology and hermeneutical study to analyse the representations of the intervention during the Civil War in Russia (1917–1922). The author reveals about 180 assessment characteristics, of the foreigners political, social, military and ethnic reality in Russia, which became the main subject of study. The author concludes that the views of Russia and Russians expressed by the foreigners were mostly negative, analyses the logic of such representations, and reveals the variety of stereotypes that forced operated interventionists to describe what they saw in a particular way.

Keywords: Civil War in Russia; intervention; estimated characteristics; quantitative analysis; hermeneutics; imagology; stereotypes.

Mikhail Razinkov, PhD (History), Associate Professor, Department of Philosophy and Social Sciences and Humanities, Voronezh State Forestry University; razinkov_mihail@mail.ru